

Слухи на самом деле были намеренно распушены его окружением. На участие в шоу его пригласила сама съемочная группа, пообещав выход в финал, иначе он мог бы подписать контракт в любой момент благодаря своему опыту.

Изначально он был главной фишкой шоу для привлечения внимания, но Бай Цзиньинь внезапно появился на сцене и перетянул на себя много внимания. Это, в общем-то, не было проблемой, но его методы вызывали некоторое пренебрежение.

Смотрите сами: в полуфинале он с закрытыми глазами пел детские песенки, играл в холодного и неприступного, странные тексты в «Мире журчания», затем на своей странице в Weibo разместил фотографию с хризантемой, написал стихи, которые можно было понять двояко, а потом нанял людей, чтобы те сорок восемь часов без перерыва отвечали на комментарии, играя в невинность.

А теперь он делает вид, что не знает его. Хех.

Бай Цзиньинь, естественно, не знал всего этого. Он даже не знал, что его считают третьим фаворитом на победу, так откуда ему было знать о других? Что касается комментариев под его постами в Weibo, то с того дня он поручил это дело Хэй-хэй. Нежить, если огонь души не погаснет, может продержаться сорок восемь дней без проблем.

Запись началась. Двенадцать финалистов вместе исполнили заглавную песню шоу. Съемочная группа поставила Бай Цзиньиня первым.

Из трех самых популярных участников Тань Цзыфэн выглядел эффектно, но его вокальные данные были посредственными, Яо Бо обладал хриплым роковым голосом, что было его изюминкой, а вот Бай Цзиньинь... о нем не было единого мнения. Сказать, что он пел хорошо? Никаких особых техник, эмоций не хватало, но его пение почему-то вызывало невероятные ощущения, создавая яркие образы.

В наушниках зазвучала музыка. Успех шоу часто измеряется популярностью заглавной песни. «Когда он пришел, небо было усыпано звездами» была веселой и легкой мелодией.

Запись аудио и съемки клипа шли одновременно. Первый исполнитель задавал тон всей песне и был первым кадром в клипе. По сценарию, перед пением нужно было улыбнуться в камеру и поприветствовать зрителей.

Бай Цзиньинь привычно поднял уголки губ, но музыка в наушниках внезапно остановилась. Режиссеру не понравилось его выражение лица, и он через микрофон дал указание:

— Нет, улыбка слишком сдержанная. Здесь крупный план, нужно улыбаться ярко, от души.

Бай Цзиньинь с покорностью спросил:

— А как улыбаться ярко и от души?

— Вы спрашиваете меня? — режиссер удивленно посмотрел на монитор, где было видно серьезное лицо Бай Цзиньиня. — Вы не знаете, что значит улыбаться ярко? Представьте, что с вами произошло что-то очень радостное, и улыбнитесь от всего сердца. Ну, сначала сделайте гримасу, а потом улыбнитесь.

Очень радостное событие?

Кажется, такое бывало. Например, когда удавалось избежать погони врагов. Но у скелета нет функции смеха, максимум — огонь души может слегка дрожать. После перерождения в человека Бай Цзиньинь до сих пор не совсем привык к своему телу. Например, мышцы лица для него как толстый слой черной маски — тугие и напряженные. Улыбнуться, подняв уголки губ, уже было достижением.

С гримасами Бай Цзиньинь был знаком. В Мире Нежити не хватало многого, но призраков было в избытке — самых разных и причудливых. Однако он не понимал, зачем нужно делать гримасу перед камерой. Но раз режиссер так сказал, он решил выполнить просьбу.

Бай Цзиньинь задумался. Нежить общается через сознание, немногие могут издавать звуки. Среди них личи были самыми распространенными — могущественные существа, которые использовали смех для выражения любых эмоций. Злились — смеялись, радовались — смеялись, скучали — смеялись. Любой их смех был мощной магической атакой, которая убила многих его подчиненных.

Он помнил, как один лич, увидев его командира охраны с головой, утыканной костями, начал громко смеяться, хваля его изысканный вкус. Это оставило у Бай Цзиньиня глубокое впечатление.

Успокоившись, Бай Цзиньинь уверенно посмотрел в камеру и начал делать гримасу. Он широко раскрыл глаза, так что они казались готовыми выпрыгнуть из орбит, руками растянул губы до ушей и хриплым, как ржавый гонг, голосом начал имитировать лича:

— У-ха-ха-ха-ха... У-ха-ха-ха-ха... Ва-ва-ва... Я-я-я-я...

Режиссер:

— ...

Бай Цзиньинь мастерски изобразил радостный смех лича. Хотя в его голосе не было магической атаки, это было очень похоже. Добавив к этому колебания души, которые влияли на эмоции обычных людей, Тань Цзыфэн, стоявший рядом и внутренне презиравший Бай Цзиньиня, тут же попал под удар.

Услышав, как Бай Цзиньинь спрашивает режиссера, как смеяться от души, Тань Цзыфэн мысленно закатил глаза, словно перед ним был огромный шарик из туалетной бумаги. Какой же он притворщик.

Он сохранял холодный вид и молчал, как вдруг в его уши ворвался звук, похожий на вой ночной кошки. Этот звук проник в его душу, ударил по мочевому пузырю и отозвался эхом в области хризантемы, вызывая легкое онемение и покалывание.

Тань Цзыфэн почувствовал, как его душа выпрыгнула из тела, пронзительно закричала и, дрожа, вернулась обратно. Только тогда он смог снова говорить, но вместо крика из его горла вырвался тихий стон:

— Э... а... а...

Режиссеру тоже пришлось несладко. Наушники для мониторинга плотно прилегали к ушам, и хотя они отфильтровали большую часть колебаний души, звук все равно был как внезапный крик прямо в ухо. От страха он побледнел.

Запись временно прервалась. Бай Цзиньинь не понимал, что произошло, но знал, что его смех стал причиной проблемы. Ошибки нужно исправлять, поэтому он с сожалением посмотрел на Тань Цзыфэна, но получил лишь холодный взгляд. Затем он посмотрел на режиссера — но тот куда-то исчез.

Му Лу быстро подошел, разобрался в ситуации и вызвал Бай Цзиньиня из студии. Он хотел что-то сказать, но не знал, как подойти к этому. Если бы это был другой участник, он, как агент компании, мог бы говорить строго. Вспомнив слова Цинь Суна, он постарался смягчить голос:

— Ты можешь улыбаться так... не нужно так громко смеяться...

— Вот так? — Бай Цзиньинь с серьезным видом сделал жест «V» и мысленно запомнил, что эта гримаса отличается от той.

На самом деле это была не такая уж большая проблема. Обычный человек мог бы так смеяться, и режиссер просто попросил бы его улыбнуться по-другому. Но дело в том, что Бай Цзиньинь был далеко не обычным человеком.

Режиссер вернулся после перекура, но его настроение еще не полностью восстановилось. С натянутым лицом он дал сигнал продолжать запись. Бай Цзиньинь, усвоив урок, послушно показал в камеру жест «V» и улучшил свою улыбку, теперь показывая восемь зубов. Под аккомпанемент он тихо запел:

— Звезды плывут, жизнь как сон.

Тань Цзыфэн одной рукой прикрыл наушник и грациозно помахал в камеру, продолжая:

— В бескрайнем море людей мы встретились.

Музыка снова остановилась. Режиссер нахмурился и дал указание:

— Тань Цзыфэн, пой с душой, добавь больше эмоций.

Тань Цзыфэн был популярным стримером, выпустил два сингла и был знаком со студийной записью. Песня длится несколько минут, но на запись могут уйти десятки часов, особенно если это заглавная песня шоу, где все должно быть идеально.

Даже если бы режиссер не остановил запись, он сам был недоволен своим исполнением. Слова «В бескрайнем море людей мы встретились» должны были передавать позитивную энергию двенадцати участников, которые благодаря шоу познакомились и стали друзьями. Однако, когда Тань Цзыфэн пел «мы встретились», он невольно вспомнил смех Бай Цзиньиня, который до сих пор вызывал у него покалывание в области хризантемы, и ему хотелось ругаться. Как тут спеть о братской любви?

Он глубоко вдохнул, стараясь не думать о Бай Цзиньине, и постепенно нашел нужное настроение.

Следующая строка была дуэтом. Тань Цзыфэн наклонился к Бай Цзиньину, изображая близость:

— Вместе к мечте вперед, ла-ла... ла-ла-ла...

Но тут возникла новая проблема. Раньше, когда они пели по отдельности, разница была не так

заметна. В студии множество профессиональных звуковых устройств, которые могут исправить почти любую ошибку, как фотошоп превращает тетю в восемнадцатилетнюю. Но в дуэте это не сработало. Уникальность голоса Бай Цзиньиня заключалась в колебаниях души — он не был громким, но обладал невероятной проникающей силой. Тань Цзыфэн, чье пение было посредственным, даже не мог правильно использовать грудной резонатор, и его голос полностью подавлялся.

После нескольких остановок звукорежиссер пожал плечами, показывая режиссеру, что голос Тань Цзыфэна уже на пределе, и дальнейшая обработка только исказит его. Результат все равно был неудовлетворительным.

Съемочная группа изначально планировала, что два самых популярных участника будут петь в начале, а Яо Бо с его роковым голосом — в конце. Кроме того, голоса Бай Цзиньиня и Тань Цзыфэна были чем-то похожи, и их сочетание могло бы создать химию.

Но реальный результат был как поставить банку с компотом рядом с хрустальной вазой Swarovski. Один излучал благородство, где даже пучок травы смотрелся бы великолепно, а другой годился только для экстренных случаев.

<http://bllate.org/book/16788/1544021>